

Каптерев Н. Ф. Суждение большого московского Собора 1667 года о власти царской и патриаршей: (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 10. С. 46–74 (3-я пагин.). (Окончание.)

Сужденіе большого московскаго собора 1667 года о власти царской и патриаршей.

(Къ вопросу о преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ Великимъ).

Разсказавъ во второй части своего сочиненія о соборномъ осужденіи Никона, въ шестой главѣ третьей части тогоже сочиненія Паисій Лигаридъ сообщаетъ слѣдующее:

„14 января собрались всѣ архіереи въ новомъ патриаршемъ домѣ по дѣлу о подписаніи пизложения Никона. При этомъ открылось несогласіе изъ-за нѣкоторыхъ реченій, помѣщенныхъ въ докладѣ и толкуемыхъ неправильно крутицкимъ Павломъ и рязанскимъ Иларіономъ, которыхъ почитали столпами сего собора, и нѣкоторыми другими архіереями, имъ послѣдовавшими. Они рѣшительно отказались подписаться (разумѣется подъ осужденіемъ п. Никона), убоявшись страха, идѣже не бѣ страхъ, и превратно толкуя слова, что было весьма вредно для нихъ самихъ, по причинѣ ихъ несогласія и непокорливой дерзости и безстыдства. Тогда какъ всѣ другіе подписались, двое непокорныхъ отступили отъ нихъ; почему царь сильно разгнѣвался на нихъ, а особенно святѣйшіе (разумѣются присутствовавшіе на соборѣ патриархи: александрійскій Паисій и антиохійскій Макарій), были изумлены ихъ непокорностію и запальчивымъ прошеніемъ (содержаніе котораго Паисій подробно передаетъ ниже). Такимъ образомъ соборъ разошелся не безъ волненія и назначено было съ особою тщательностію заняться въ своихъ келліяхъ изслѣдованіемъ этой главы патриаршаго опредѣленія (*Томов*) и

дать свое мнѣніе въ краткомъ видѣ, на письмѣ, чрезъ два дня“.

„Приблизился назначенный день, рассказываетъ Паисій (въ девятой главѣ), и всѣ архіереи, горя пламенной братской любовью, собрались въ новый патріаршій домъ. Предсѣдательствовали папа Паисій и патріархъ Макарій. Каждый принесъ на бумагѣ свой символъ (т. е. изложение своего мнѣнія по данному вопросу?) отъ своего богатства приношеніе для изслѣдованія важнаго вопроса, и были предложены на среду собранныя боголюбезнымъ тщаніемъ изреченія, которыя клонились къ чести и достоинству первосвященства, равно какъ были читаны и мѣста, говорящія въ пользу богодарованной власти царской и объясняющія ея преимущества“.

„Предложено было изъ втораго слова Зластоустаго (въ русскомъ переводѣ оно значитъ третьимъ—Христ. Чтеніе 1831 г. ч. 42. стр. 7—11) слѣдующее мѣсто: „священнослуженіе совершается на землѣ—по починоположенію небесному. Такъ и должно быть. Ибо не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ и не другой кто либо изъ сотворенныхъ, но самъ Утѣшитель учредилъ служеніе, и людей, еще облеченныхъ плотію, содѣлалъ представителями служенія ангеловъ. Посему совершитель сего служенія долженъ быть столько чистъ какъ бы онъ стоялъ на небѣ, посреди небесныхъ силъ... Когда видишь Господа закланнаго и предложеннаго въ жертву; священника, предстоящаго сей жертвѣ и возносящаго молитвы; народъ же весь окропляемый ея драгоцѣнною кровію; — еще ли думаешь, что ты находишься между человѣками, и стоишь на землѣ; что не перенесся мгновенно на небеса и, отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, обнаженнымъ отъ всего земнаго духомъ и чистымъ умомъ не созерцаешь небесное? О чудо! о человѣколобіе Божіе! — Сѣдящій со Отцемъ въ сей часъ объемлетъ руками всѣхъ; даетъ себя осязать и ощущать всѣмъ, кто только желаетъ... Предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но св. Духа; возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы огонь ниспалъ съ неба и попалилъ предложенную ему снѣдь; но дабы благодать, низшедши на жертву, возжгла души людей и сдѣлала свѣтлѣйшими чистаго сребра... Еще живутъ и обращаются на

землѣ; а поставлены распоряжаться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Ибо не имъ сказано: и елика аще разрѣшите, будетъ разрѣшена (Мат. 18, 18). И земные владыки имѣютъ власть связывать, но только тѣла. А тѣ узы связываютъ душу, проникаютъ небеса; и что священники опредѣляютъ на землѣ, то Богъ утверждаетъ на небѣ. Господь согласуется съ мнѣніемъ рабовъ своихъ! Что же другое онъ вручилъ имъ, какъ не всю духовную власть? Имъ же, говорить, отпустите грѣхи, отпустятся: и имъ же держите, держатся (Іоанна 20, 23). Какая власть можетъ быть болѣе сей? Отецъ весь судъ отдалъ Сыну (Іоанна 5, 22). Теперь вижу, что Сынъ весь судъ сей предоставилъ священникамъ. Они возведены на такую степень власти, какъ будто уже переселены на небо, превознеслись надъ чело-вѣческой природою и освободились отъ страстей нашихъ“.

„Выслушавъ это, соборъ воскликнулъ: „для чего же ты не привелъ положеннаго вначалѣ изреченія Златоустаго:— „священство, которое столько превосходитъ всѣхъ другихъ достоинствъ, сколько духъ превосходитъ тѣла?“ Газскій отвѣчалъ: „это сдѣлано не съ хитростію, но златыя слова Златословеснаго учителя взяты вкратцѣ и только приведенъ изъ нихъ отрывокъ, который показался необходимымъ и полезнымъ“. Всталъ Симеонъ Вологодскій и сказалъ: „вотъ слова Златоустаго яснѣе солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царскаго“. Газскій (Пансіій говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ и обыкновенно называетъ себя просто Газскимъ) отвѣчалъ: „надлежитъ напередъ узнать мысль (проникнуть въ мысль) сего великаго наставника, знать, съ какою цѣлію онъ это говоритъ, и потомъ изслѣдовать слова, столь ясно и премудро раскрывающія, что въ духовныхъ дѣлахъ архіерей имѣетъ первенство и преимущество предъ царскимъ достоинствомъ. А это не противится патріаршему опредѣленію (*Τομος*) и словамъ, утверждающимъ согласно со мною, что царь имѣетъ первенство въ дѣлахъ гражданскихъ“¹⁾ „Такъ, отвѣ-

¹⁾ Подъ „патріаршимъ опредѣленіемъ“ (*Τομος*) Пансіій разумѣетъ патріаршіе отвѣты на вопросы о власти царской и патріаршей, привезенные въ Москву грекомъ іеродиакономъ Мелетіемъ и изъ которыхъ выше мы приводили нѣкоторые извлеченія.

чалъ Симеонъ, но помни притчу Соломонову, поучающую всѣхъ, а въ настоящемъ случаѣ и духовныхъ, не обращаться падесно, и не уклоняться на шуе, по идти среднимъ путемъ, безошибочнымъ и царскимъ. Попомни, что и самъ ты архіерей и одинъ изъ князей христоименитаго народа. Посему долженъ болѣе поддерживать права архіереевъ, нежели превозносить на словахъ права государственныхъ“. На это сказалъ Гасекій: „я такъ говорю не по преверженности къ царю, не по приверженности собственно къ Алексію, но право правлю слово истины, какъ герольдъ, несущій съ собою предсказаніе оракула... (Слѣдуютъ другія сравненія) Выкинемъ въ слова Златоустаго точище. Первосвященство, говоритъ онъ, выше царской власти, какъ душа тѣла. Но какъ внѣшній человѣкъ, т. е. чувства, совершаютъ свои дѣйствія, такъ внутренній человѣкъ т. е. душа, — внутренній дѣйствія. Подобнымъ образомъ архіерей занимается дѣлами церкви, а царь мірскими дѣлами государства, — каждый сохраняетъ при этомъ свои права, каждый обращается въ своей сферѣ“.

„Имѣете ли подъ руками другія свидѣтельства для яснѣйшаго утвержденія? — спросили архіереи. — Имѣемъ, отвѣчали патріархи, достаточно. Вотъ еще слова Златоустаго изъ шестаго слова о священствѣ: „а когда онъ, священникъ) призываетъ святаго Духа и совершаетъ страшную жертву, такъ часто прикасаясь къ общему всѣмъ владыкѣ; тогда, скажи мнѣ, гдѣ назначить ему мѣсто? Какой потребуемъ отъ него чистоты, какого благочестія? Ибо помысли, какія должны быть руки, служація такому таинству? Каковъ долженъ быть языкъ, произносящій таковыя слова? Не всего-ли чище и святѣе должна быть душа, пріемлющая толикую силу Духа? Тогда и ангелы предстоятъ священнику, и все мѣсто жертвенника въ честь Возлежащаго на немъ, исполняется небесными силами. Въ семъ удостовѣряетъ самое дѣйствіе, совершаемое тогда. Но кромѣ сего я нѣкогда слышалъ отъ одного человѣка, что нѣкоторый пресвитеръ, мужъ удивительный, имѣвшій даръ духовныхъ видѣній, говорилъ ему, что онъ однажды, бывъ удостоенъ таковаго видѣнія, вдругъ узрѣлъ (сколько то ему возможно) сонмы ангеловъ, которые были облечены въ свѣтлыя одежды, окружали жертвенникъ и взирали долу,

точно такъ, какъ бы воины, стоящіе въ присутствіи царя. Я вѣрю словамъ сего человѣка. Также и другой нѣкто рассказывалъ мнѣ (онъ не отъ другаго слышалъ, а удостоился самъ видѣть и слышать), что тѣхъ, которые должны отойти отъ сей жизни, если они причастились св. тайнамъ съ чистою совѣстью, — при отхожденіи ихъ, въ честь принятаго ими дара, окружаютъ ангелы и возносятъ на небо“ ¹⁾.

„Суздальскій архіепископъ Стефанъ немедленно спросилъ: требую объясненія—для чего приведено это мѣсто?— Газскій отвѣчалъ: здѣсь Златоустый ясно показываетъ, какую чистоту долженъ имѣть священникъ, обходящій страшный оный жертвенникъ, на которомъ возсѣдаютъ многоочити силы, записывая въ книгѣ живота всяческая и т. под. (не идущее къ дѣлу).— Патріархи сказали: пусть будутъ приведены свидѣтельства и другихъ богоносныхъ отцевъ. И приведены слова епископа Кипрекаго Епифанія: ибо первое священство совершается въ необрѣзаніи Авелемъ, а также и слѣдующее за нимъ Ноемъ, и третье Мелхиседекомъ. И что Мелхиседекъ былъ человѣкъ, это открываетъ самъ святой апостоль Божій въ посланіи, говоритъ же онъ такъ: *непричитаемый же родомъ къ нимъ, одесятствова патріарха* (Евр. 7, 6). *Изнесе Аврааму хлѣбы и вино: и бѣше священникъ Вышняго* въ то время; онъ *благослови Авраама* и получилъ отъ него *десятину* (Быт. 14, 18—20). Ибо рабъ Божій долженъ былъ воздать честь священнику Вышняго... и т. д. ²⁾ „Газскій невопрошаемый всталъ и сказалъ: это мѣсто не идетъ къ разрѣшенію нашего недоумѣнія. Мы говоримъ не о преемствѣ, а о превосходствѣ между священникомъ и царемъ“. — Тогда приведены были слова того же Епифанія изъ его книгъ противъ ересей: „престоль Давидовъ и царское сѣдалище есть священство во святой церкви; сіе то царское и первосвященническое достоинство, соединивъ во едино, Господь даровалъ святой церкви, перенеся въ нее престоль Давидовъ, непрестающій

¹⁾ Это мѣсто изъ Златоуста въ русск. переводѣ см. Христ. Чт. 1832 г. ч. 47 стр. 325—326.

²⁾ Эти мѣста взяты изъ трактата св. Епифанія „о мелхиседекіанахъ“, см. русскій переводъ Твореній св. Отцевъ, т. 44. стр. 439, 437 (мѣста приводятся у Паисія не къ ряду) 441, 443, 446. и др.

пробывать во вѣкъ; потому престоль Давидовъ существованіе свое преемственно продолжалъ до самаго Христа, такъ какъ не оскудѣвали князья отъ Іуды, дондеже пришелъ Тотъ, кому отложено, и *тоіі*, сказано, *чаяніе языковъ* (Быт. 49, 10). Ибо въ пришествіе Христово прекратились до самого Христа бывшіе по преемству вождами князи отъ Іуды. Прекратился и непродолжался болѣе порядокъ, когда родился Христосъ въ Виелеемѣ іудейскомъ, при Александрѣ, происходившемъ изъ первосвященническаго и царскаго рода. Симъ то Александромъ, со временъ его и Саадины, называемой и Александрю, пресѣкъся жребій царскій, при царѣ Иродѣ и Августѣ, самодержцѣ римскомъ. Этотъ Александръ, какъ одинъ изъ помазанниковъ и вождей, возложилъ на себя и вѣнецъ; потому что, когда соединялись два колѣна и царское и священническое, разумѣю Іудино и Лароново и все Левіино, тогда происшедшіе отъ сихъ колѣнъ дѣлались царями и іереями. Ибо ничто не погрѣшило изъ загадокъ (тайнаго смысла) св. Писанія. Но тогда наконецъ возложилъ на себя діадиму иноплемennyй царь Иродъ, а не изъ потомковъ Давидовыхъ. А по паденіи царскаго престола и царское достоинство изъ плотскаго Іудина дома и изъ Іерусалима перенесено во Христѣ въ церковь. Водружается же престоль во святѣй Божіей церкви во вѣки, имѣя достоинство по двоякому праву, и царскому и первосвященническому: по праву царскому отъ Господа нашего І. Христа — двояко: и потому что Онъ по плоти отъ сѣмени Давида царя, и потому что, будучи тѣмъ, что Онъ есть; отъ вѣка болѣе еще царь по Божеству; по праву же священническому, потому что Онъ Архіерей и Первостоятель архіереевъ, послѣ того какъ вскорѣ поставленъ Іаковъ, именуемый братъ Господень, и апостоль—первый епископъ, по естеству сынъ Іосифовъ, наименованіе же брата Господня получившій, потому что жилъ въ одномъ съ Нимъ семействѣ... Ибо пребываетъ престоль Его, царствію Его не будетъ конца, возседеть на престолѣ Давида, ни въ чемъ не измѣнивши царской власти Давида, но даровавъ ее слугамъ своимъ—архіереямъ вселенской церкви“¹⁾.

¹⁾ Это мѣсто взято изъ трактата св. Епифанія „о пазоряхъ“. Русск. переводъ при Твор. св. Отцевъ т. 42. стр. 204—207.

„Послѣ прочтенія сихъ мѣстъ соборъ сказалъ: отвѣчай Газскій епископъ: не яснѣ ли солнца высказывается здѣсь искомое, — что престоль святительскій выше всякаго другаго престола, а слѣдовательно и самаго царскаго достоинства“? Газскій отвѣчалъ: дайте мнѣ немного времени для разсмотрѣнія этого труднаго мѣста у св. Епифанія“. Архіереи отвѣчали: свидѣтельство много, только отверзь врата твоего слуха и прочтено было изреченіе Григорія Богослова изъ его апологетики: „кто возметъ, какъ глиняное какое издѣліе, изготовляемое въ одинъ день, образовать защитника истина; который долженъ стоять съ ангелами, славословить со архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить богами. Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены, и куда готовимъ другихъ“¹⁾. Пребожественный Василій въ пятой молитвѣ елеосвященія молится такъ: „Господи Боже нашъ, вдохнувшій въ своихъ учениковъ и сказавшій: пріимите Духа святаго, иже меня смиреннаго и грѣшнаго и недостойнаго раба твоего—призвавый на превеличайшій степенъ священства и войти во внутренняя завѣсы и въ святая святыхъ и пр.“. Изъ этихъ свидѣтельствъ выводятся два заключенія: во первыхъ то, что іерей есть богъ земной и по слову псалма: Я сказалъ: вы боги есте и сыновья высочайшаго всѣ; во вторыхъ, что высочайшій степенъ священства превосходитъ всякій другой степенъ на землѣ. Читано было наконецъ первое посланіе Григорія Двоеслова къ царю Льву Исаврянину, гдѣ онъ говоритъ: „вѣдаешь царь, что догматы святой церкви не царю принадлежать, по архіереямъ, которые безопасно имѣютъ догматствовать. Посему архіереямъ ввѣрены церкви и они не входятъ въ дѣла правленія народнаго. Пойми и замѣть это—воздерживаясь отъ народныхъ дѣлъ, т. е. отъ политическихъ; а цари подобно не должны (входить) въ дѣла церковныя, но заниматься ввѣренными имъ (т. е. гражданскими). Совѣщаніе же христілюбивыхъ царей и благочестивыхъ архіереевъ составляеть единую силу, когда дѣла управляются съ миромъ и любовію“.

¹⁾ Твореніе Григорія Богослова въ русск. переводѣ т. I. стр. 61—62.

„При этомъ всѣ воскликнули: вотъ прекрасное разграниченіе, вотъ наилучшее толкованіе, вотъ мудрое объясненіе, отдѣляющее для каждаго свою область, какъ для царя, такъ и для архіерея.

„Подобное тотъ же папа писалъ и во второмъ посланіи къ Льву иконоборцу: ты написалъ: „я царь и священникъ, но сказанному въ святомъ откровеніи: сотворилъ есть насъ іереи и цари Богу“. И это цари предшествующіе тебѣ (приводимъ слова Григорія Двоеслова въ сокращеніи) показали словомъ и дѣломъ: Константинъ, Θεодосій, Валентіанъ, — „эти цари благочестиво царствовали вмѣстѣ съ архіереями, единомысліемъ и совѣтомъ собирали соборы, изслѣдуя истину догматовъ, они устроили и украсили святыя церкви, эти суть священники и цари... Ты же съ тѣхъ поръ, какъ принялъ царское достоинство, найдя св. церкви изукрашенными... лишилъ ихъ украшенія и опустошилъ... Ибо какъ не имѣеть власти архіерей проникать во дворець и надѣвать знаки царскаго достоинства, и царь не можетъ войти въ церковь (если не захочетъ передвигать границы) и изрекать приговоры о духовенствѣ, и благословлять и налагать руки на символы св. таинствъ, и даже причащаться безъ іерея; но каждый изъ нихъ да пребываетъ въ томъ призваніи, къ какому призванъ Богомъ“.

„Вотъ опять, сказали архіереи единодушно, римскій Григорій обличаетъ царя Исаврянина, только-только не приводя псалма, какъ онъ говоритъ противъ царей. — „Подлинно такъ, сказали два вселенскіе патріарха. Когда царь еретикъ, справедливо онъ подвергается обличенію и осужденію, яко неповинующійся соборной церкви. Итакъ должно отличать благочестивыхъ царей отъ нечестивыхъ и невѣрныхъ, какъ различаютъ и іереевъ истинныхъ отъ ложныхъ, какъ и божественный Василій подтвердилъ въ письмѣ къ жителямъ Никополя“. — Но поелику день уже прошелъ, то главы о царѣ отложены до завтра. И такимъ образомъ собраніе разошлось съ благословеніемъ.

„На утро собрались всѣ архіереи (десятая глава) въ новомъ патріаршемъ домѣ, въ намѣреніи предложить полезныя главы о христіанствѣ царѣ. Прибыли и оба патріарха и начали говорить: поелику вчера председатель Газскій обѣщался намъ объяснить мѣсто изъ блаженнаго

Елифанія, который говоритъ, что престоль Давидовъ и престоль царскій во св. Христовой церкви есть священство, то пусть объяснитъ опъ намъ это изреченіе. Послѣ того мы обратимся къ главамъ о христоробивомъ царѣ.

„Газскій, получивъ дозволеніе, началъ говорить: хотя сравненіе по большей части вызываетъ споры и ненависть вслѣдствіе различія человѣческихъ мыслей и мнѣній, однако-же, когда такое сравненіе дѣлается для объясненія и познанія точной истины, не только оно не бываетъ ненавистно и противно, но и весьма похвально. Сравненіе и сближеніе производится по нѣкоторымъ сходнымъ или подобнымъ чертамъ, а не вслѣдствіе полного тождества, иначе не могли-бы быть сравненія и сопоставленія. Такимъ образомъ кажется, что священство имѣетъ преимущество предъ земнымъ царскимъ достоинствомъ, по полнотѣ духовной власти. Такъ, никто не можетъ отпустить грѣхи, кромѣ единаго архіерея: кто можетъ отпускать грѣхи, воскликнули іудеи, кромѣ одного Бога, а Богомъ земнымъ называется архіерей, какъ разсуждаетъ въ постановленіяхъ апостольскихъ божественный Климентъ и съ нимъ эпонимъ богословія. Но и въ благословеніи іерей выше царя, почему и Мелхиседекъ, будучи священникомъ Бога вышняго, благословилъ патріарха Авраама, а несомнѣнно, что худшее лучшимъ благословляется. Но относительно помазанія нѣтъ между ними различія, ибо оно обще обоимъ, какъ великій Кириаль, въ словѣ о помазаніи, говоритъ: нынѣ въ церкви совершается муро, въ которомъ смѣшивается съ елеемъ бальзамъ и чрезъ сіе ясно указывается единеніе архіерейскаго и царскаго достоинства и власти... Далѣе Паисій сравниваетъ царя и архіерея съ двумя свѣтилами великими, которые оба необходимы: два великихъ свѣтила поставилъ диміургъ всѣхъ боговъ (это выдержка изъ стиховъ Григорія Богослова) на тверди небесной: одно—свѣтящее днемъ, другое-же—для освѣщенія ночи, оба прекрасныя и полезныя для всякаго въ мірѣ произрожденія... По истинѣ свѣтиломъ свѣтилъ свѣтлѣйшимъ подобны архіерей и царь на тверди церкви, и когда оба правятъ прямо слово истины, то бываетъ общее удовольствіе и радость, когда же не право творятъ, подвергаясь наглядному затмѣнію, тогда плачь и стenanіе повсюду слышится... Затѣмъ Газскій пе-

реходить къ сравненію древняго духовенства съ современнымъ: прежде іереи были златые по правамъ, хотя служили на деревянныхъ дискахъ и потирахъ, а нынѣ мы мѣдные и желѣзные, по словамъ и дѣламъ, хотя и совершаемъ таинство причащенія въ сосудахъ златыхъ и украшенныхъ. О какая переменна! Дай миѣ архіерея, который бы стяжалъ ревность Фенесса, кротость Моисея, ревность Иліи, и я предпочту его всякому Кесарю и Августу, надъ землею начальствующимъ. Но если между насъ являются не епископы, а *επισκοτα* ¹⁾, не митрополиты, а *μαροπολιται* ²⁾,— не добрѣ живущіе, отъ нихъ же первый есмь азъ окаянный, то какой намъ стыдъ! какого ожидать благоговѣнія?.. Посему царю надлежитъ казаться и быть выше другихъ, но предстоятели церкви должны быть свѣтильникомъ, поставленнымъ на золотомъ свѣщникѣ, чтобы быть видиму, какъ нѣкоторый Фаросъ и колосъ свѣтящійся... Таковъ подобаеть намъ архіерей: преподобенъ, незлобивъ, не скверенъ ³⁾, свѣтлѣе и чище аміанта, который въ пламени огня не сторалъ, но еще болѣе очищался. Если же окажется противнымъ тому (но я не позволю себѣ никого порицать), достаточно миѣ указать на одного изъ многихъ, соборнѣ лишеннаго патріаршескаго достоинства и власти, разумѣю Никона, стоящаго внѣ священной ограды алтара, вмѣсто мира бросилъ ножъ въ Христову церковь, царскаго и Давидова престола не слушая, какъ невнимательный къ слову архипастыря и великаго Учителя, глаголющему: вложи, Петръ, мечъ твой въ ножны, едва удержавшему его и бывшихъ съ нимъ отъ стремленія къ убійству... Но о вѣчно священный, Богомъ поспособляемый государь нашъ, великій побѣдитель и вѣрнѣйшій защитникъ церкви, живи, какъ фениксъ, на многія лѣта, да будетъ тебѣ, какъ орля юность твоя, ты воистину архіерей и царь, яко подражаеши педь во слѣдъ и соревнуня великому Θεодосію, великому Юстиніану, христіаннѣйшему Константину, тебя да возставитъ Христосъ Богъ нашъ новаго Давида, по сердцу своему найдя, яко не

1) Помрачители.

2) Преступные граждане.

3) Евр. 7, 26.

далъ еси сна очамъ твоимъ и рѣсницамъ дремоты, дожде богосоставленное сіе собраніе... собрала богомудрая твоя свѣтлость, послѣдую боговѣщанному гласу, глаголющему (Матѳ. гл. 18): идѣже еста два или тріе собраны во имя Мое, Азь ту есмь по средѣ ихъ. Положу вѣнецъ слову Моему... и слѣдуетъ моленіе „за христоролюбиваго и свѣтлѣйшаго царя нашего, отъ Бога царство пріемшаго“, объ одолѣніи на враговъ, „особенно же сарацынь“, по грѣхамъ нашимъ пынѣ на насъ возставшихъ“...

„Всѣ, говоритъ далѣ Паисій, одобрили Его слова, особенно патріархи. Послѣ того велѣли предложить основанія царской власти у іудеевъ, по св. Писанію. Читали были изъ 1 книги царствъ 8, 4—22 ¹⁾. Газскій послѣ того всталъ и сказалъ: я хочу быть истолкователемъ про-

¹⁾ И собрашася мужи израилевы, и приидоша къ Самуилу во Армафемъ и рѣша ему: се ты состарѣлся еси, сынове же твои не ходятъ по пути твоему; и пынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны, якоже и прочіи языки. И бысть лукавъ глаголь предъ очима Самуиловыма, яко рѣша: даждь намъ царя, да судитъ ны. И помолися Самуилъ ко Господу, и рече Господь Самуилу: послушай гласа людей, якоже глаголють къ тебѣ, яко не тебе уничижиша, но мене уничижиша, еже не царствовати ми надъ ними... И нынѣ послушай гласа ихъ: обаче засвидѣтельству засвидѣтельствуеша имъ, и возвѣстима имъ правду цареву, иже царствовати будетъ надъ ними. И рече Самуилъ вся словеса Господня къ людямъ просящимъ отъ него царя и глагола имъ: сіе будетъ оправданіе цареву, иже царствовати имать надъ вами: сыны ваша возьметъ и поставитъ колесничники своя, и на кони вездитъ ихъ, и предтекущихъ предъ колесницами его; и поставитъ и себѣ сотники и тысящники и жателми жатвы своя, и обимуть обиманіемъ о гроздія его, и творити орудія воинская его, и орудія колесницъ его. И дщери ваша возьметъ въ муроварницы, и въ поварницы, и въ хлѣбницы. И села ваша, и винограды ваша и масличины ваша благія возьметъ и дасть рабомъ своимъ. И сѣмена ваши и винограды ваша одесятствуетъ, и дасть рабомъ своимъ. И рабы ваша, и рабыни ваша, и стада ваша благая, и ослы ваша отъиметь одесятствуетъ надѣла своя. И пожати ваша одесятствуетъ, и вы будете ему рабы. И возоліете въ день онъ отъ лица царя вашего, его же избрасте себѣ и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ царя. И не восхотѣша людіе послушати Самуила, и рѣша ему: ни, но царь да будетъ надъ нами, и будемъ мы якоже вси чловѣцы и судити имать насъ царь нашъ, и изыдетъ предъ нами, и побореть побореніемъ о насъ. И слыша Самуилъ вся глаголы людей, и глагола я во уни Господу. И рече Господь къ Самуилу: послушай гласа ихъ и постави имъ царя. И рече Самуилъ къ мужемъ Израилевымъ: да идетъ кійждо васъ во свой градъ.

читапнаго, хочу изъяснить „оправданія“ единодержавной власти. И во-первыхъ замѣчаю, что царь не подлежитъ законамъ“. Доказательства для этого берутся Папсіемъ изъ Діона Кассія и изъ какого-то пнеагорейскаго философа. Затѣмъ онъ указываетъ на дозволеніе Сипедріона имѣть царю до 18 женъ и на то, что Соломонъ имѣлъ ихъ еще болѣе. „Теперь я понимаю, говоритъ онъ, почему цари народовъ не хотѣли часто показываться подданнымъ,—полагаю, по высочеству сана, какъ ассирійскій царь Артаксерксъ не только не хотѣлъ показываться, но и законъ милостивый установилъ — подвергать смерти, казнить незванно вошедшаго къ нему“... Ссылается наконецъ на 105-ю Юстиніанову новеллу, гдѣ сказано: Царь царей Богъ подчинилъ царямъ самые законы, давъ въ царѣ одушевленный законъ людямъ, живущимъ подъ луною.

Читано было изъ второй книги Ездры 4, 1—12 ¹⁾. Предъ началомъ сего чтенія Папсіей замѣчается, что приводятся слова изъ апокрифической книги, которой нѣтъ нынѣ на греческомъ (но въ дѣйствительности она есть на греческомъ, и считается первою Ездры); а по прочтеніи предложилъ свои замѣчанія о всевластныхъ распоряженіяхъ царей, указавъ изъ языческой исторіи на примѣръ Дарія персидскаго и изъ церковной исторіи на примѣръ Евдоксія въ отношеніи къ Златоустому. Въ концѣ говоритъ: соборъ разошелся

¹⁾ И нача второй глаголати, рѣкѣи о крѣпости царетѣй: о мужіе! не премогають ли челоуѣцы, землю и море обдержаша и вся, яже въ нихъ; царь же премогаетъ и господствуетъ всѣми и владычествуетъ ими, и все, еже речеть имъ творять. Аше речеть имъ творити брань ко другъ другу, творять; и аще послеть ихъ на супостаты, идуть, и истрывають горы и стѣны и столпы; убивають и убивасми бывають, и царева словесе не преступають; аше же побѣдятъ, царю приносятъ вся, и слика аще плѣнятъ, и ина вся. И еслицы не воюють, ниже ополчאותся, но дѣлають земли, шаки, егда сѣють, закинающе приносятъ цареви, и единъ другаго по-нуждающе, приносятъ дань царю. И той самъ единъ есмь: аше речеть убити, убивають; аше речеть отнустити, отпускають; речеть поразити, поразятъ; речеть разорити, разорятъ; речеть созидати, созидаютъ; речеть посѣщити, посѣкають; речеть насадити, насаждають. И вси людіе его, и силы его слушають единаго и къ симъ той возлежитъ, яеть, и пїеть, и спитъ; тѣ же стрегуть окрестъ его, и не могутъ отъити, кійждо творити дѣла своихъ, ниже преслушаютъ его. О мужіе! како не превозмогаетъ царь, его же тако слушають; и умолча.

по нѣкоторымъ тайнымъ причинамъ, о которыхъ скажемъ сейчасъ ниже.

„Вышеупомянутые два архіерея (Павель и Иларіонтъ), рассказываетъ Паисій въ одиннадцатой главѣ, услышали о томъ, что было (на соборѣ) и пришли въ великій страхъ, какъ-бы не пострадать имъ жестоко за свою непокорность и дерзость. Поэтому, пришедши къ патріархамъ, почти въ глубокую полночь, подали имъ прошеніе, и умоляли ихъ на колѣняхъ быть ходатаями за нихъ предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по поводу того, что они осмѣлились высказать въ одной темной бумагѣ, писанной не столько чернилами, сколь о ядомъ змѣинымъ. Они говорили, что Златоустый еще сказалъ: священство выше царской власти. Въ подкрѣпленіе себѣ приводили и тотъ древній обычай, издревле употреблявшійся при хиротоніи архіерейской, что хиротонисаемый архіерей становится погами на двуглаваго орла - римскій знакъ самодержавной власти. Приводили еще и то, что неприлично и даже преступно архіереямъ цѣловать десную руку царя, номѣющаго на себѣ почати (т. е. немѣющаго права благословлять знаменіемъ креста?), о чемъ и Симеонъ Солунскій выражается съ вилскимъ прискорбіемъ (и затѣмъ приводится обширная выдержка изъ Симеона Солунскаго). Приводили еще и слова Арсея, митрополита Кесаріи Каппадокійскія изъ толкованія на 13-ю главу Апокалипсиса и т. под. „Вы, продолжали говорить архіереи патріархамъ, -- вы, находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ агарянь, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздателя и вѣщепосца Спасителя; а мы несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую пужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія, и хотя много тяжкаго по неволѣ терпѣливо переносимъ отъ властей: но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше Церкви, хотя и не имѣемъ въ умѣ той мысли, чтобы пришлось намъ терпѣть такія несправедливости и оскорбленія въ благополучное царствованіе богохранимаго и добронобѣднаго царя нашего, государя Алексія Михайловича, боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная

смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдую просто буквѣ, которая часто убиваетъ. Эти искаженія писанія и ложныя толкованія пришлыхъ переводчиковъ устрашаютъ насъ, незнакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Посему, какъ врачи души, безкорыстные, дайте намъ цѣлительныя лѣкарства, возливая елей и вию и т. п.“. Сіе и подобное содержало въ себѣ упомянутое прошеніе. Для прочтенія его приглашенъ былъ и Газскій. Прочитавъ его, опъ выразумѣлъ, и, сдѣлавъ движеніе головою, возопилъ: погибла ты, истина; господствуетъ нынѣ ложь; беретъ перевѣсъ осужденіе. Подостойны русскіе такого царя, преданнаго вѣрѣ христіанской, благочестивѣйшаго, имѣющаго жезлъ не желѣзный и тяжелый, но мягкій, орѣховый. Я самъ буду отвѣчать на это безумное и вредное писаніе... Боюсь осужденія раба скрывшаго талантъ... Потому что меня вселенскій патріархъ киръ Діонисій поставилъ истолкователемъ патріаршихъ опредѣленій, надзирателемъ и поборникомъ... Спрашиваете, что изъ двухъ преимуществуетъ: священство или царство? отвѣчаю: въ нѣкоторомъ отношеніи должно отдать преимущество священству, — разумію дѣла духовныя; въ другомъ должно отдать честь царству, т. е., въ дѣлахъ гражданскихъ... Можно сказать: священство царствуетъ надъ дѣлами духовными; царство священноначальствуетъ надъ гражданскими... По истинѣ нашъ державнѣйшій царь, государь Алексій Михайловичъ, столько свѣдущъ въ дѣлахъ церковныхъ, что можно было бы подумать, будто цѣлую жизнь былъ архіереемъ, посвященъ во всѣ тайны іерархическаго служенія, отъ малыхъ ногтей воспитывался въ храмѣ, какъ Самуиль. Почему не стыдятся возвѣщаемъ, что лобызася щедродаровитую десницу такого царя. Да, да! Цѣлую и лобызая руку, обогащающую странныхъ, некущую о сиротахъ, руководствующую слѣпыхъ... Да, да! лобызая десницу, помазанную благовоннымъ миромъ новой благодати, знаменанную печатью обученія св. Духа, ишущую спасительныя заповѣди... Да, да! Лобызая бранноносную руку, вооруженную, по слову ап. Павла, оружіемъ правды... подвизающуюся за благочестіе, украшенную благостію, позлащенную добродѣтелями... А ты Богомъ почтенный царю Алексіе, воистину человекъ Божій, ты отнимаешь, а не простираешь десницу свою намъ архіереемъ;

мы сами противъ воли твоей привлекаемъ ее къ себѣ и лобызаемъ, яко прещедрую помазанную досицу царя христіанства... Конечно зло пасѣяно вездѣ... Но изъ того, что двое или трое державствующихъ нечествуютъ, неужитительно обращаются съ дѣлами архіерейства, не должно почитать и всѣхъ безпорядочными и беззаконными... Не къ безчестию, но къ благой похвалѣ полагается орелъ подъ ноги хиротонисуемаго архіерея. По праву становится онъ на него, когда возглашаетъ символъ, въ который мы крестились: этимъ онъ показываетъ, что будетъ твердъ въ вѣрѣ самодержца, что будетъ другомъ грековъ (?), что будетъ во всемъ покоренъ и послушенъ царю... Вы боитесь будущаго, чтобы, то есть, какой нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ церковь российскую. Нѣтъ, нѣтъ. У добраго царя будетъ *еще добрые сынъ, его насладникъ*... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... наречется новымъ Константиномъ, *будетъ царь и вмѣстѣ архіерей*, какъ и преданный вѣрѣ Христовой великій Константинъ восхваляется у насъ на великой вечернѣ—іереемъ и царемъ. Да и у римлянъ, какъ и у египтянъ, царь соединялъ въ себѣ власть священства и царства, какъ поетъ латинскій Гомеръ—Виргилій...

„Когда такимъ образомъ, рассказываетъ далѣе въ двѣнадцатой главѣ Паисій, снова возвращаясь къ соборнымъ засѣданіямъ, это было благоразсмотрѣно, съ разсвѣтомъ дня собрались архіереи, ничего не зная о томъ, что происходило ночью. Когда всѣ заняли свои мѣста, блаженнѣйшіе патріархи предложили вопросъ: не принесутъ ли они собору какого-либо словеснаго дара? Архіереи отвѣчали: по благоволенію вашего блаженнѣйшаго святительства, чувствуемъ себя въ затрудненіи, но имѣемъ весьма достаточный запасъ“. Къ сожалѣнію Паисій не излагаетъ далѣе никакихъ рѣчей архіереевъ, а начинаеть говорить отъ себя слѣдующее: „должно знать, что четыре вселенскіе патріарха весьма разумно постановили сіе различіе, что по дѣламъ гражданскимъ царь имѣетъ преимущество. Ибо мы нашли въ патріаршемъ александрійскомъ собраніи законовъ поводъ и первую причину, по которой послѣдовало это опредѣленіе (*Томос*). Хотите ли, чтобы этотъ

списокъ предложенъ былъ публично? Пусть будетъ принесенъ, отвѣчали святѣйшіе патріархи. И списокъ былъ принесенъ и прочитано въ немъ слѣдующее:

„Предпріемлющимъ отнынѣ заговоры, или собирающимъ скопища-анаеема.

„Содѣйствующимъ имъ и сообщникамъ ихъ въ отложеніи—анаеема.

„Совѣтующимъ и побуждающимъ къ тому-же—анаеема.

„Вооружающимся на помощь имъ—анаеема.

„Пріемлющимъ ихъ къ покаянію, тогда какъ они не раскаяваются въ мятежѣ и не оставляютъ его—анаеема.

„Подобнымъ образомъ въ царствованіе Михаила (?) Комнина чинами государства и тогдашнимъ патріархомъ и соборомъ произнесена анаеема, на замышляющихъ ковы или возстанія противъ сына его Алексія и содѣйствовавшихъ имъ. Подобное умыслилъ сдѣлать императоръ Михаилъ Палеологъ въ отношеніи къ сыну своему Андронику, благочестивому государю. Въ этомъ принимали участіе, какъ государственные чины, такъ и патріархъ Іосифъ, стяжавшій вѣнецъ исповѣдничества за истинное благочестіе, а равно и соборъ, бывшій при немъ. Всѣ они подвергли анаеемѣ и страшнымъ проклятіямъ замышляющихъ заговоры и возстанія, чтобы низложить съ престола столпъ благочестія царя Божія Алексія (?).—При этомъ возсталъ Газскій и сказалъ: извѣстенъ законъ Юлія Кесаря, опредѣляющій, кого должно считать возмутителемъ и мятежникомъ. Онъ говоритъ, что мятежникъ тотъ, кто собираетъ скопище противъ царя, или замышляетъ что противъ него, или противъ сената; кто вступаетъ въ заговоръ, или знаетъ и не открываетъ тотчасъ же... (Слѣдуютъ примѣры и выписки изъ законовъ, раскрывающіе вопросъ о мятежникахъ и ихъ сообщникахъ). Выслушавъ все сіе русскіе архіереи сказали: „мы знаемъ, что подвергаются анаеемѣ еретики, какъ на примѣръ въ недѣлю православія. Но что касается до заговорщиковъ и мятежниковъ, то не знаемъ и не читали нигдѣ, чтобы они были поражаемы молніею проклятія. Помнимъ слово Тарасія патріарха въ апологетической рѣчи: страшна анаеема, потому что отлучаетъ человѣка отъ Бога, изгоняетъ изъ царства небснаго, ведетъ во тьму кромѣшную“. „А развѣ не помните, воз-

разиль Газскій, слышанное, какъ патріаршествовавшій нѣкогда Михаилъ, съ согласія бывшаго тогда собора, подвергъ анаѳемѣ заговорщиковъ?— „Такъ, отвѣчали архіереи, по законно ли это дѣлается, мы не знаемъ и желаемъ видѣть яснѣйшее свидѣтельство“. — „Что же, отвѣчалъ Газскій, Павелъ въ первомъ посланіи къ коринтеянамъ говоритъ: аще кто не любитъ Господа І. Христа, да будетъ анаѳема марапаа. Дѣлающіе злое, прибавилъ Паисій, не любятъ Господа...“ Какъ? возразили русскіе архіереи, Никонъ говорилъ намъ ипаче. Онъ говорилъ, что анаѳема и марапаа одно и то же...“ (слѣдуютъ грубыя выходки Паисія противъ Никона и объясненія марапаа). — „Что-жъ слѣдуетъ заключить изъ сего свидѣтельства? спросили русскіе архіереи. — „Газскій отвѣчалъ: кто не любитъ царя, тотъ не любитъ Господа І. Христа“. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слова ап. Петра: Бога бойтеся, царя чтите, и говоритъ: „смотрите, смотрите, какъ послѣ Бога небесаго, сейчасъ упоминается о земномъ, т. е. о царѣ. Слѣдовательно, кто не чтитъ царя, тотъ нечестуеъ противъ Бога... (Далѣе и еще приводитъ доказательства изъ св. Писанія въ подтвержденіе обязанности чтить и повиноваться царямъ; приводитъ и слова Икуменія и Августина; указываетъ на прошеніе о царѣ въ литургіи и на обычай ежедневно воспоминать въ молитвахъ имена царя, царицы и ихъ дѣтей, на свидѣтельство Григорія Богослова о Валентѣ, который самъ приносилъ дары къ алтарю и множество другихъ посторопныхъ примѣровъ). Послѣ всего Паисій замѣчаетъ: „по симъ и подобнымъ причинамъ царь именуется Богомъ. И ты, богоподобный царь Алексій Михайловичъ, имѣешь право на такое богименованіе, яко украсившій пустыни новыми насажденіями... претворившій море, ярящеся волнами, на общую пользу, и обветшавшую Москву, почти можно сказать, явившій въ новомъ видѣ...“ „Что скажете на это, произнесли патріархи, убѣдились-ли сказаннымъ, или еще желаете другихъ свидѣтельствъ?“ Всѣ отвѣчали. „предовольно и сказаннаго“. — „Итакъ, заключили патріархи, да будетъ положенъ конецъ слову. Да будетъ признано заключеніе, *что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилось цѣлою и*

непоколебимою во вѣкъ стройность церковнаго учрежденія ¹⁾. Всѣ воскликнули: сіе есть мѣстѣе богопосныхъ отецъ! такъ мыслимъ всѣ; да живетъ на многія лѣта добропобѣднѣйшій и непобѣдимѣйшій нашъ царь; да продлится на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе, святѣйшіе и блаженѣйшіе!

„Двое архіереевъ, рассказываетъ Паисій въ тринадцатой главѣ, раскаялись, хотя и поздно, и подписались тайно подъ низложеніемъ Никона, со всѣми изъясненіями и дополненіями опредѣленій: но за это никто не воздалъ имъ благодарностію... 24 января, къ вечеру, собрались всѣ мы въ келліи патріарха александрійскаго Паисія (по причинѣ его болѣзни) и предложено было двумя блаженѣйшими патріархами три немаловажные вопроса: во-первыхъ, какому наказанію подвергнуть того, кто обезчеститъ соборъ патріаршескій и при томъ многолюдный и совершенный? Во-вторыхъ, какому наказанію подлежитъ, если кто не ока-

¹⁾ Нужно замѣтить, что патріархи Паисій и Макарій, въ виду нежеланія русскихъ архіереевъ признать царскую власть рѣшительно высшею патріаршей во всѣхъ отношеніяхъ, что прямо заявлялось въ патріаршихъ свиткахъ на вопросы о власти царской и патріаршей, принуждены были писать особое объясненіе къ своему прежнему отвѣту о власти царской и патріаршей, чтобы сдѣлать его пріемлемымъ и для русскихъ архіереевъ. Патріархи написали на греческомъ языкѣ особую объяснительную записку, въ которой они объясняли, какъ слѣдуетъ понимать вторую главу патріаршихъ отвѣтовъ о власти царской и патріаршей, такъ было смутившую русскихъ іерарховъ. Эта объяснительная записка патріарховъ говорила слѣдующее: „Во второй убо главѣ патріаршескихъ свитковъ обрѣтается: яко патріархъ да покорится царю во всѣхъ градскихъ дѣлахъ и является о семъ, яко умоляется патріаршескій санъ, обаче сораздѣленіемъ иматъ разумѣтися писанное въ сей главѣ. Зане яко ина убо суть церковная, догматская и правильная, ина же суть градская, внѣшняя и правная къ доброду правленію и исправъ царствію. Ибо во внѣшняя, правная градская лѣиотствуетъ, яко патріархъ да непротивится отнюдь царю, но да едино гласитъ и да едино мыслитъ, яко быти миръ и тихость въ царствіи и да не сѣются зизаніи (куколь) и соблазны, и будетъ двупачаліе, яко бы ино да хочетъ царь и ино патріархъ; яко же видится и въ хронографѣхъ, иже повѣствуютъ, яко многажды нѣкіи патріархи возмущаху царства и соблазнаху. И сего ради ко строенію и ко цѣломудрію или и къ обузданію вопросиша державнии цари, и наипаче царь киръ Эммануилъ Комнинъ, иже царствова лѣтъ 37, да сотворитъ патріархъ на нисѣмъ повѣданіе (вѣру) къ царю ради вящаго увѣренія

жетъ уваженія двумъ присутствующимъ вселенскимъ патріархамъ, ни во что поставитъ то, что они въ виду всѣхъ подписались? Въ-третьихъ, какому по правиламъ долженъ подвергнуться наказанію тотъ, кто явное оказываетъ непослушаніе и не вѣритъ царю христіаннѣйшему, который наприцаетъ церковь матерію своєю и хочетъ ее прославить выше всякой почести и власти? Всѣ единогласно соборомъ отвѣчали, что таковыя должны быть исправлены церковными епитиміями, что судъ и рѣшеніе патріарховъ не подлежитъ болѣе пересмотру, а если въ чемъ согласились четыре патріарха, то ихъ приговоры выше всякаго суда на землѣ. Послѣ сего и нѣкоторыхъ еще другихъ дѣлъ послали святѣйшіе за двумя пепокорными и повинными архіереями, чтобы пришли они на соборъ. Спустя немного времени они явились и подошедши съ намѣреніемъ цѣловать десницу патріаршую, были тотчасъ удержаны и недостое-

и крѣпчайша въ будущія лѣта, еже сотвори киръ Михаилъ Кируларій патріархъ константинопольскій. Къ церковнымъ же, къ догматскимъ и къ правильнымъ не имать отнюдь покоритися царю патріархъ, зане есть законъ одушевленъ и живой гласъ правиль; сице читаемъ, яко и божественный Златоустъ облича царю Евдоксію о вдовицынѣ виноградъ, Гермаль патріархъ иконоборца Θεοφιλα ради святыхъ иконъ, и иши многи все-святѣйшии и премудрѣйшии мужи обличаху съ дерзновеніемъ вельможныхъ и князей, наипаче медоточный и великій Амбросій преславнаго Θεοδοσία... (слово пропущено) пророку и царю Давыду глаголющу: и глаголахъ предъ цари и не стыдяхся. Сего убо ради такими раздѣленьми престанетъ всякое сопротивленіе. Почто имать царь, да покорится патріарху? И почто имать патріархъ, да покорится царю? Сія рѣчь, яко патріархъ да не вступитца въ царскіе вещи царскаго двора и да не отступитъ внѣ предѣлъ церковныхъ, яко же и царь имать, да хранитъ чинъ свой. Аще же ни слышати будетъ оное (иже читаемъ въ ветхомъ писаніи о Озіи царѣ, иже взя кадильницу и кадити хотяшу) не лѣтъ ти есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два свѣтильника суть въ мірѣ: солнце и луна; обаче солнце да властвуетъ днемъ и луна да перевозсіаетъ пощъ; и никогда солнце изыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна перемѣни теченія своя и естество свое, по всегда любезно движутся и хранятъ предѣлы, иже творецъ всѣхъ положи имъ сопреодолѣніе и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и патріархъ управитися съ царемъ и царь съ патріархомъ ради трелюбезнаго сего единомыслия и мира, иже обдержитъ вкупе земная вся и небесная, божественная жъ и человѣчская. Сіе глаголемъ, егда православствуютъ и правоправятъ слово истинны еминъ и другіи, сіирѣчь, царь и патріархъ, но егда царь будетъ еретикъ

ны молитвы и благословенія. Тогда какъ другіе архіереи занимали свои мѣста по чину, всѣ они (*πάντες*, слѣдовательно не двое только?) были вопрошены: почему они мнѣ столпы быти и будучи другихъ разумнѣе, явились столь непокорными, столь упорными? Тѣ начали оправдываться,

и неправо править, тогда весьма подобаеѣ патріарху противостояти ему и огласити его, сіирѣчь, поучати; и аще послушаетъ и уцѣломудритца, пріобрѣлъ душу цареву и пріиметъ мзду отъ трудовъ своихъ, яко же и Павелъ противоста Петру, егда видя его нисходящимъ къ іудеомъ, иже хотяху хранити ветхой вкушъ съ новымъ завѣтомъ непремѣнно, яже о вѣрѣ; имать убо, да обличится малые и великіе безъ нещеванія. Зане о душѣ есть вся бѣда. Иде царь Ираклій въ Персиду и остави патріарха Сергія въ Константиноградѣ, которой, аще и еретикъ бѣ, обаче вѣрной царствію ста; колыми наче имѣтъ патріархъ вѣренъ быти къ царю православному, иже тщается разширити скинтры благочестивыя, иже поборется и о истинней и непорочной православной вѣрѣ. Таковъ убо царь, аще бо и пошлетъ къ патріарху, да пріидетъ къ нему, или да пойдеть иногда ради душеполезнаго нѣкоего подлога (дѣла), долгъ имать вскорѣ двизатиса, и да пріидетъ къ нему по его царскому повелѣнію, якожь и царь Феодосій малый писа къ святѣйшему Кирилу патріарху александрійскому и ко Іоанну Златоусту, абіе и оба послушаніе повелѣніе царева, иже призвама ихъ пріити къ царствующему граду, и пріидоша, единъ живъ, а другій усншій. Якоже и христіолюбивый и пренеликій Константинъ повелѣъ патріарху антиохійскому Евстаею, да пойдеть во Иверію, и не преслуша повелѣніа царева блаженнѣйшій Евстаеій, по послуша его. — По такимъ убо дѣламъ и такимъ образомъ повинуются патріархи православнымъ самодержцемъ. И по подобію вышечисанныхъ и мы послушахомъ заповѣди твоего царскаго величества и пріидохъ нынѣ въ царствующій градъ Москву ради церковнаго исправленія и пользы. Богъ святый совершитъ желаніе богохранимаго царства твоего душеполезная и спасительная, буди, буди, ко общему заступленію и утверженію, зане и мы ревности ради другъ другопріятельныхъ святѣйшихъ патріарховъ преидохомъ горы и пучины, бѣдствующи въ неудобохотныхъ путехъ и чрезъ иноплемненныхъ языковъ, не токмо тѣлесно, но и душевно; точію да не преслушаемъ Божія суда и державнаго царства твоего пресвятаго повелѣніа“. (Гиббенетъ, II. 1039—1041).

Не трудно видѣть, что въ этой объяснительной запискѣ ко второй главѣ патріаршихъ отвѣтовъ на вопросы о власти царской и патріаршей, слѣданы значительныя уступки въ пользу власти патріаршей, которая признается стоящею рядомъ съ царскою и имѣющей свой особый кругъ дѣятельности, куда власть царя не должна простираься и гдѣ совершенно самостоятельно и независимо распоряжается и дѣйствуетъ только одна духовная власть. Эта объяснительная записка патріарховъ и легла въ основу указаннаго соборнаго рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ власти царской и патріаршей.

приводя вины о грѣсѣхъ, но все трудилися, напрасно пустословили. Между прочимъ они сказали, что обмануты были дурнымъ переводомъ Памсіа Газскаго; онъ нехорошо перевелъ сказанное въ опредѣленіи, что патріархъ подлежитъ власти царской, впрочемъ въ однихъ дѣлахъ гражданскихъ. Неразумное оправданіе! Газскій митрополитъ не есть царскій переводчикъ, но по снисхожденію занимается переводомъ и толкуеть, впрочемъ не непосредственно, а при помощи латинскаго языка. Посему ни за какую погрѣшность въ переводѣ не отвѣчаетъ, если русскіе переводчики когда нибудь неточно передадутъ или истолкуютъ сообщенное имъ неправильно, Эти переводчики часто опускаютъ главное, не разумѣя перевести на другой языкъ трудное, почему и не суть точные передаватели чужихъ мыслей, но скорѣе передатели... Гнѣваются (упомянутые архіереи) и на то, что въ вышеупомянутомъ исповѣданіи патріарха киръ Михаила, поданномъ императору Мануилу, присоединяется и сіе: общаюсь пребыть въ распоряженіи, волѣ и повелѣніи царства твоего такъ, что противъ всякаго противящагося настоящему моему клятвенному общанію не только въ отношеніи къ царю, но и къ царицѣ и къ ихъ сыновьямъ, буду дѣйствовать клятвою, равно и въ отношеніи къ дочерямъ царскимъ и къ ихъ будущимъ сунругамъ. Это, говорили архіереи, не только унижительно и неприлично, но и недостойно и чуждо патріаршеской власти. Ибо если архіерей и какой бы то ни было священникъ не можетъ давать клятвы, какъ же клянется здѣсь патріархъ вселенскій? Соборъ на это отвѣчалъ: чтобы клятвою утверждалась истина, нужны три условія: справедливость (право?), не ложность, благославная вина. Безъ котораго нибудь изъ сихъ трехъ условій клятва будетъ непозволительна, ложна, несмысленна: безъ истины—клятва будетъ ложна; безъ справедливости (права?)—незаконна; безъ достаточной причины—произвольна и неразумительна. (Слѣдуетъ затѣмъ объясненіе, гдѣ приводятся образцы клятвы у язычниковъ, чтобы объяснить, почему Господь запретилъ клясться небомъ и вообще вещами сотворенными. Приводятся изъ В. и Н. Завѣта мѣста въ подтвержденіе важности и законности клятвы, но въ нихъ нигдѣ не говорится ничего о клятвѣ собственно духовныхъ лицъ). За-

тѣмъ предложили свои увѣщанія оба патріарха. Патріархъ антiохійскій Макарій говорилъ о послушаніи; александрійскій патріархъ Паисій, приведши 18 правило Халкидонскаго собора противъ скопищъ, внушалъ, что не вѣрится „царю христіаннѣйшему есть знакъ малодушія, чтобы не сказать неблагодарности“. „Святъ самодержавный нашъ“, говорилъ патріархъ и доказывалъ древними и новыми примѣрами, что царь можетъ именоваться святымъ, и заключилъ рѣчь словами: „*тѣ никонствуютъ и папствуютъ, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство*“. Двое архіереевъ отъ стыда смотрѣли въ землю. Спустя довольно времени послѣ глубокаго молчанія, патріархи произнесли: идите, и оставайтесь праздны отъ всякаго священнодѣйствія: достаточно вамъ сей епитиміи... И они вышли изъ патріаршей келліи не безъ слезъ. А прочіи пришли въ страхъ отъ сего неожиданнаго наказанія и отъ тяжести сей епитиміи... Отсюда уразумѣли, что имѣютъ надъ собою начальниковъ и высшихъ предстоятелей, и тѣ, которые уже съ давняго времени привыкли быть непокорными и совершенно непослушными, по причинѣ зазорнаго отсутствія Никона и послѣдовавшаго затѣмъ безчиннаго безначалія. А поелику митрополитъ Павелъ крутицкій былъ мѣстоблюстителемъ патріаршимъ, то на его мѣсто избрали архангельскаго собора архіерей киръ Θεодосій (это былъ выѣхавшій на Русь сербскій митрополитъ, пристроившійся въ Москвѣ къ Архангельскому собору), который и управлялъ краткое время дѣлами патріаршескими, всѣмъ благоутюждая—Богу и людямъ. По удаленіи вышесказанныхъ двухъ архіереевъ, патріархи возгласили, что нужно всѣмъ готовиться къ будущему неукоризненному избранію новаго патріарха, и прилежно молиться, просить Бога, о дарованіи его...¹⁾).

Приведенныя нами выдержки изъ третьей части сочиненія Паисія Лигарида о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ показываютъ, что далеко не одинъ Никонъ держался воззрѣній на священство, какъ на высшее царства,

¹⁾ Выводы, къ какимъ нужно придти на основаніи показаній Паисія Гаскаго, всецѣло зависятъ отъ опредѣленія дѣйствительнаго историческаго значенія Паисіева труда. *Ред.*

что не одинъ онъ готовъ былъ публично заявлять и всячески отстаивать эти воззрѣнія, но что и всѣ другіе русскіе архіереи вполнѣ сходились въ этомъ отношеніи съ Никономъ и никакъ не хотѣли признавать надъ собою, по крайней мѣрѣ въ церковныхъ и епархіальныхъ дѣлахъ, верховныхъ правъ свѣтской власти. Въ виду такого положенія дѣлъ, власть свѣтская принуждена была добывать благоприятное для нея рѣшеніе возникшаго вопроса о власти царской и патріаршой на востокѣ, такъ какъ она видѣла, что русскіе архіереи, если бы этотъ вопросъ отданъ былъ на ихъ разсмотрѣніе и обсужденіе, несомнѣнно отвѣтили бы на него въ духѣ Никона, т. е., что священство выше царства. Повидимому свѣтское правительство вполнѣ достигло своей цѣли: вопросъ былъ рѣшенъ восточными патріархами въ пользу безусловнаго преобладанія свѣтской власти надъ духовною, но русскіе архіереи нашли подобное рѣшеніе вопроса одностороннимъ, неправильнымъ и потому для себя необязательнымъ, они хотѣли, и дѣйствительно добились новаго пересмотра спорнаго вопроса. Свѣтская власть должна была допустить не только новое публичное и потому очень непріятное для нея разсмотрѣніе вопроса, но и иное его рѣшеніе, несогласное съ тѣмъ, какое ранѣе дали ему восточные патріархи. Несмотря на всѣ усилія Паисія Лигарида, на всю его изворотливость, на поддержку, какую онъ встрѣчалъ постоянно въ греческихъ іерархахъ и у самихъ предсѣдателей собора, восточныхъ патріарховъ, — благодаря дружнымъ усиліямъ, смѣлости и энергіи русскихъ архіереевъ, соборъ принужденъ былъ принять среднее, примиряющее крайности рѣшеніе, именно: соборъ постановилъ, что царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ церковныхъ; и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другаго. Такимъ образомъ состоявшимся соборнымъ рѣшеніемъ церковь признана была вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ царства учрежденіемъ, которое имѣетъ своего самостоятельнаго, независимаго главу, свои собственные законы, свой самостоятельный судъ и свое собственное управленіе, такъ что всякая опека со стороны свѣтской власти, доселѣ тяготѣвшая надъ архіереями, всякое

ея вмѣшательство въ общія церковныя и частныя епархіальныя дѣла, признаны были соборомъ незаконными. Понятно, что архіереи постарались немедленно приложить къ дѣлу провозглашенный соборомъ 1667 года принципъ о независимости духовной власти отъ свѣтской; по требованію собора ненавистный Никону и всѣмъ архіереямъ Монастырскій приказъ былъ уничтоженъ какъ учрежденіе, несогласное съ признаніемъ независимости духовенства отъ свѣтской власти, благодаря чему подсудность духовенства свѣтскимъ судьямъ была окончательно уничтожена. Вмѣстѣ съ Монастырскимъ приказомъ, по требованію собора, должны были прекратить свое существованіе и свѣтскіе архіерейскіе чиновники, назначаемые къ архіереямъ свѣтскою властію, и такъ сильно стѣснявшіе самостоятельность и независимость архіерейскаго епархіальнаго управленія. Съ этаго времени все церковное управленіе должно было быть тщательно очищено отъ всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ, мѣсто которыхъ должны были занять исключительно лица духовнаго чина.

Очевидно, что русскіе архіереи достигли на соборѣ 1667 года, несмотря на все противодѣйствіе имъ греческихъ іерарховъ и особенно ихъ представителя — Паисія Лигарида, очень важныхъ и существенныхъ для себя результатовъ, такъ что съ этихъ поръ русскіе архіереи могли нестѣсняясь публично выражать свои истинныя воззрѣнія на отношенія между властью свѣтской и духовной. Вотъ примѣръ. Чудовской архимандритъ Іоакимъ, впоследствии патріархъ московскій, поставленный новгородскимъ митрополитомъ, въ 1672 году говорилъ къ своей пасствѣ полученіе, въ которомъ онъ убѣждаетъ своихъ пасомыхъ подчиняться во всемъ власти, „посеже безначаліе всюду зло есть, и погібели и крамолы и мятежа виновно“, и затѣмъ предъ своими пасомыми разсуждаетъ: „но убо власть есть сугуба: ова гражданская, ова же церковная. И виѣшній убо начальникъ грѣшащія смлетъ, вяжетъ, мучитъ и главо сѣчетъ: разбойники, тати, прелюбодѣи; духовный же начальникъ *многимъ вящій его*: грѣшащаго бо словомъ наказанія лучша творитъ, не главу, но недугъ отсѣцаетъ, изгоняетъ отъ таянъ и отъ церковныхъ оградъ, и воставивъ его, и отъ злобы свободивъ, и душу отъ скверны

омывъ и лучша бывша покаяніемъ нова изъ ветха челоуѣка содѣловаеть. *И елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вядуще разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя.* Ктоже власть церковная? Суть богопоставленніи архіереи и іереи, иже немощныя врачуютъ, иже мракомъ суетъ міра сего ослѣпшія, зарями богодуховенныхъ словесъ просвѣщаютъ, иже храмлюція лестною стезею самоуниженія, путеваютъ правымъ шествіемъ истинныхъ церковныхъ догматъ ученія, иже имуть ключи неземнаго нѣкогого града, но самаго небесе, иже царство небесное заключаютъ и отверзаютъ: *елико бо аще свяжете на земли, будутъ связанны на небеси, рече Христось, и елики же аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небеси.* Сію и сичевую власть имущимъ, должныствуютъ подвластніи со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинятися“... ¹⁾).

Такъ, во второй половинѣ XVII вѣка, архіереи и на соборахъ и въ своихъ поученіяхъ къ пасомымъ свободно заявляли, что „духовный начальникъ много вядущій свѣтскаго“, что „елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вядуще разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя“, что „церковную власть имущимъ, должныствуютъ подвластніи со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинятися“. Но такъ разсуждать пришлось однако недолго; скоро пришлось совсѣмъ измѣнить взгляды на отношеніе свѣтской власти къ духовной. Недаромъ русскіе архіереи, по словамъ Паисія Лигарида, заявляли въ Москвѣ восточнымъ патріархамъ — Паисію александрійскому и Макарію антиохійскому: „Мы, говорили они, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія, и хотя много тяжкаго поневолѣ терпѣливо переносимъ отъ властей (свѣтскихъ): *но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви...*

¹⁾ Неперенлетенный рукописный сборникъ москов. синод. библ. № IV. Тоже слово Паакима находится и въ рукоп. сборникѣ Флорищевской пустыни № 121/695.

Боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ“, И напрасно, въ отвѣтъ на эти опасенія русскихъ архіереевъ за свое будущее подчиненіе свѣтской власти, Паисій Лигаридъ утѣшалъ ихъ: „вы боитесь будущаго, говоритъ онъ русскимъ архіереямъ, *чтобы какой нибудь новый государь*, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, *не поработилъ церковь русскую*. Нѣтъ, нѣтъ. У добраго царя будетъ еще добрѣе сынъ, его наслѣдникъ... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... будетъ царь вмѣстѣ и архіерей“. Въ дѣйствительности предчувствіе русскихъ архіереевъ, относительно ожидавшаго ихъ тяжелаго будущаго, оказалось гораздо вѣрнѣе предсказаній Лигарида.

Петръ Великій, какъ есть всѣ основанія предполагать ¹⁾, хорошо зналъ тотъ эпизодъ изъ исторіи Никона, въ которомъ такъ рѣзко сказалось толкованіе царской власти съ патріаршей, хорошо зналъ на чьей сторонѣ въ этомъ столкновеніи стояли всѣ рускіе архіереи по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, зналъ и то, какъ на соборѣ 1667 года со стороны русскихъ архіереевъ было выражено стремленіе утвердить то положеніе, что священство выше царства и что соборъ 1667 года, несмотря на всѣ усилія присутствовавшихъ на немъ двухъ восточныхъ патріарховъ и другихъ греческихъ архіереевъ, принужденъ былъ признать подъ давленіемъ русскихъ архіереевъ, самостоятельность и независимость духовной — патріаршей и архіерейской власти, относительно власти свѣтской. Петръ 1-й находилъ такой порядокъ дѣлъ, при которомъ существуютъ независимые отъ свѣтской власти патріархъ и архіереи, которые „суду царскому не подлежатъ“, ненормальнымъ, несогласнымъ съ царскимъ самодержавіемъ и даже опаснымъ для государства. Онъ рѣшилъ вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной перерѣшить

¹⁾ Авторъ оставляетъ за своею мыслию значеніе „предположенія“. Переходъ отъ предположенія къ увѣренности или къ отрицанію предположенія можетъ послѣдовать только послѣ обнародованія новыхъ фактовъ изъ жизни Петрова времени. *Ред.*

снова съ тѣмъ, чтобы навсегда отнять у духовной власти всякую самостоятельность, подчинивъ её во всемъ своей самодержавной волѣ. Такъ какъ главною опорою и центромъ для притязаній духовной власти на независимость отъ власти свѣтской служило патриаршество, — архіереи хотѣли знать и подчиняться только своему духовному отцу и главѣ — патриарху, то Петръ 1-й и рѣшилъ, для достиженія своей цѣли, уничтожить на Руси самое патриаршество, мотивируя этотъ свой шагъ между прочимъ тѣмъ, что патриаршество будто бы очень вредно и даже прямо опасно для государства.

Въ Духовномъ регламентѣ по поводу уничтоженія у насъ патриаршества и замѣны его Духовнымъ Коллегіумомъ между прочимъ говорится: „велико и сіе, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственного правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ какъ разштвуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовать обыкль. Чтоже егда еще и плевелныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся, и сухому хвратію огнь подложать? Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовать и бунтоватися дерзають... Чтожь когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ, изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то далъ бы Богъ, чтобъ о семъ домышлятися только мощно было, но самую вещь не единожды во многихъ государствахъ сіе показалоса, вникнуть только во исторію константинопольскую, пижае іустиніановыхъ временъ, и много того покажетса. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, неточію государство римское полма пресѣче и себѣ великую часть похити, но и инныя

государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не вспомнянутся подобные и у насъ бывшіе замахы“. Далѣе въ Духовномъ регламентѣ говорится, что „единъ самовластный пастырь“ т. е. патріархъ, въ случаѣ проступка, можетъ не захотѣть „отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися“ и принудить его къ тому очень трудно, въ виду людской молвы“. Отъ чего дѣется, говоритъ Духовный регламентъ, что на злаго такового единовластителя нужда есть созывать соборъ селенскій, что и съ великаго всего отечества трудностію и съ немалымъ изживеніемъ бываетъ и въ нынѣшнія времена (когда восточные патріархи подъ игомъ турскимъ живутъ, и турки нашего государства вѣще нежели прежде опасаются) отнюдъ мнится быти невозможно“.

Петрудно видѣть, чѣмъ были вызваны эти разсужденія Духовнаго регламента объ опасности патріаршества для государства, о простомъ невѣжественномъ русскомъ народѣ, смотрящемъ на патріарха какъ на равнаго или даже какъ на высшаго нежели Самодержецъ, о томъ, что духовный чинъ, по представленію многихъ, „есть другое и лучшее государство“, что и у насъ со стороны духовной власти тоже бывали опасныя для государства „замахы“, что въ случаѣ проступка патріарха для суда надъ нимъ придется вызывать изъ Турціи восточныхъ патріарховъ, такъ какъ онъ не захочетъ подчиниться только суду своихъ епископовъ, — предъ глазами составителя Духовнаго регламента стояли, по нашему мнѣнію, тѣ именно событія, о которыхъ мы разсказали выше.

Патріаршество еще можно было уничтожить, но архіереевъ уничтожить было нельзя. Тутъ оставалось одно: поставить архіереевъ въ полную зависимость отъ свѣтской власти. Это именно и сдѣлалъ Пётръ 1-й.

Духовный регламентъ академически поучаетъ русскихъ архіереевъ: „вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея, и невысоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, но честь никакая“. Говоря затѣмъ, что епископы только орудія спасающей благодати Божіей, Духовный регламентъ замѣчаетъ: „сеже того ради предлагается, чтобъ *укротити оную вельми жестокую епископовъ славу...* Честь (епископовъ)

скоповъ) умѣренная есть, а лишняя, и почитай равно царская, да не будетъ“.

Практически-законодательнымъ путемъ Духовный регламентъ узаконяетъ у насъ, на мѣсто уничтоженнаго патриаршества, Духовный Коллегіумъ, члены котораго назначаются свѣтскою властію и въ обязательной для нихъ, предъ вступленіемъ въ Коллегіумъ, присягѣ заявляютъ: „исповѣдую же съ клятвою *крайняго Судію Духовныя сея Коллегии быти* Самаго Всероссийскаго *Монарха*, Государя нашего Всемилостивѣйшаго“. Этому Духовному Коллегіуму, крайній судія котораго есть всероссійскій монархъ, и потому безусловно зависѣвшему отъ свѣтской власти, были во всемъ подчинены теперь всѣ епархіальные архіереи, устраненные не только отъ всякаго непосредственнаго участія въ общецерковныхъ дѣлахъ, но и въ управленіи своими епархіями обязанные безусловнымъ подчиненіемъ Духовному Коллегіуму, верховнымъ главою котораго былъ царь, и въ которомъ изъ десяти присутствовавшихъ членовъ только трое были архіереи.

Всѣми этими мѣрами вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной былъ теперь рѣшенъ весьма определенно, хотя и не такъ, какъ онъ рѣшенъ былъ на соборѣ 1667 года. Если послѣ собора 1667 годарусскіе архіереи, обращаясь къ паствѣ съ поученіемъ, говорили: „духовный начальникъ многымъ вѣщій свѣтскаго“, „елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вѣще разнство и разстояніе вѣшнія власти и церковныя“, то послѣ реформы нашего высшаго церковнаго управленія Петромъ 1-мъ, архіереи, касаясь вопроса о власти свѣтской и духовной, стали уже говорить объ этомъ совсѣмъ другимъ языкомъ; иныя мысли и чувства стали они теперь высказывать о свѣтской власти, нежели какія высказывали ранѣе. Скоро въ церковномъ управленіи, которое по мысли собора 1667 года должно было быть совсѣмъ очищено отъ присутствія въ немъ свѣтскихъ лицъ, опять появились свѣтскіе чиновники, фактически еще болѣе сильные и вліятельные, нежели чиновники, существовавшіе въ нашемъ церковномъ управленіи до собора 1667 года.

Н. Кантревъ.